

«ПОПОВСКАЯ ВОЙНА» 1479 ГОДА В ЛИВОНИИ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «РУССКАЯ УГРОЗА»

М. Б. Бессуднова

Ливецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 мая 2014 г.

Аннотация: *опираясь на корреспонденцию Ливонского ордена из Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине, автор статьи утверждает, что обращение ливонских магистров к идее «русской угрозы» в начале 80-х гг. XV в. зависело не от характера русско-ливонских отношений, а от внутривосточной ситуации в самой Ливонии, крайне дестабилизированной в связи с борьбой ливонских ландсгеров за перераспределение властных полномочий внутри ливонской конфедерации.*

Ключевые слова: «русская угроза», Ливонский орден, русско-ливонские отношения.

Abstract: *relying on the correspondence of the Livonian Order from Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz in Berlin, it argues that the appeal of Livonian Masters to the idea «Russian threat» in the 80s and early 90s of the 15th century did not depend on the character of Russo-Livonian relations and the political situation in the most Livonia extremely destabilized by the fight of the Livonian Landsherrn for redistribution of power within the Livonian Confederation.*

Key words: «Russian threat», Livonian Order, Russo-Livonian relations.

Ссылки на «русскую угрозу» часто встречаются в ливонских документах двух последних десятилетий XV в. Особый интерес в связи с этим представляет деловая документация Ливонского ордена, основная часть которой хранится в собраниях орденских посланий (ОВА) и орденских фолиантов (ОФ) Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине (GStA PK) [1, S. 172–187]. Особого внимания заслуживают документы 1473–1493 гг., в массе своей неопубликованные. Между тем именно в этот период, последовавший за присоединением к Москве Великого Новгорода (1478), русско-ливонские отношения в силу объективных обстоятельств оказались дестабилизированными [2], что позволило Ливонскому ордену превратить идею «русской угрозы» в инструмент своей политики. Эта тема периодически возникала в орденской корреспонденции на протяжении всего XV в., но в связи с женитьбой великого князя Московского Ивана III на Зое Палеолог (1472) и предполагаемым участием Московии в борьбе против турок временно утратила актуальность. Новая фаза в конституировании указанного концепта в Ливонии пришлась на рубеж 1470-х – 1480-х гг. и по времени совпала с периодом ожесточенной внутривосточной борьбы.

Зимой 1477/78 г. во время похода Ивана III на Новгород русские отряды совершали грабительские набеги на приграничные ливонские земли, что вынудило магистра Берндта фон дер Борха (1471–1483)

объявить в стране мобилизацию (ОВА. № 16715). Однако в орденской переписке 1478 г. этой проблеме отведено немного места, возможно, потому, что от нападений пострадали не земли ордена, а Дерптская (Тартуская) епархия, глава которой – епископ Иоганн Бертков – принадлежал к числу политических противников магистра. Эти нападения вряд ли соответствовали тактико-операционным замыслам великого князя и вполне объяснимы малой степенью дисциплинированности русского воинства и присутствием в его рядах татарской конницы. Ливонского магистра в тот момент больше волновали внутривосточные проблемы, касавшиеся его соперничества с рижским архиепископом Сильвестром Штодевешером (1448–1479), на стороне которого выступали еще два ливонских государя (ландсгера) – епископы Дерпта и Эзеля, а также шведский риксрат, паны литовской Рады и папа Сикст IV. Рижанин Герман Хелевег, очевидец событий и автор хроники, из-за цвета переплета получившей название «Красная книга», напротив, был уверен, что русские повиновались приказу своего государя, который узнал о войне магистра Борха против архиепископа и захотел завоевать ливонские земли. При отсутствии доказательств мы склонны видеть в этом пассаже лишь горячее желание хрониста осудить опасную усобицу, разгоравшуюся вокруг его родного города, которую он окрестил «поповской войной» (Pfaffen-Krieg) [3, S. 765].

Победа над архиепископом имела для магистра исключительно важное значение, поскольку при благоприятных обстоятельствах могла увенчаться его

подчинением ордену и инкорпорацией рижской епархии в орденское государство, что коренным образом изменяло баланс власти внутри ливонской конфедерации в пользу ордена и открывало перспективу полной перестройки ее потестарно-политической системы [4, S. 203–240; 5, S. 147–280; 6, S. 109–137; 7, S. 97–111]. Серьезной помехой в осуществлении планов ливонского магистра мог стать интердикт, инициированный рижским архиепископом еще в 1477 г. [5, S. 251–261], но поддержка населения Риги и рыцарства позволила ему решиться на беспрецедентный шаг: в феврале-марте 1479 г. войска ордена оккупировали рижскую епархию, архиепископ был пленен и вскоре скончался, командующий его войском казнен. Обо всем этом магистр Борх писал 9 апреля верховному магистру Мартину Трухзесу фон Ветцхаузену, добавив, что намерен добиваться в римской курии легитимизации прав Ливонского ордена на рижскую епархию (ОВА. № 16821).

Вероятно, той же весной появилось анонимное воззвание с описаниями пригрешений архиепископа Сильвестра Штодевешера перед Ливонским орденом и обоснованием претензий последнего на архиепископские владения, содержание которого имеет прямое отношение к предмету нашего обсуждения:

«Псковичи по прошествии времени, как он [архиепископ] сам писал о себе, чинили притеснения ему в его рижской епархии с ее землями и людьми на 27 миль в глубину и 5 миль в ширину и недавно окрестили 173 человека в их русскую веру к великому поношению христианства. На все это он не обращал внимания и не хотел это искоренять, хотя ему была предложена военная помощь, позволил и разрешил русским возвести в епархии одну крепость за другой, из-за чего страна была совершенно ослаблена и вконец предана их власти, поскольку там некому было со всей силой выступить против. Потом, чтобы обуздать силу и гордыню псковичей, новгородцы предложили объединиться с орденом, вследствие чего была надежда на большую славу и благо для христианства. И они уже давно были бы приведены к послушанию святой Римской церкви и вере Христовой, если бы он и его предшественники в епархии тому не препятствовали. Если бы и дальше все пребывало в таком притеснении и опасности, да завладей они еще рижской епархией, все закончилось бы тем, что вся страна Ливония, утратив христианскую веру, оказалась бы вновь в руках русских схизматиков (*abgesunderthen Rewsvben.* – М. Б.). Поэтому орден был поставлен перед необходимостью и принужден сместить епископа, рижскую епархию в одностороннем порядке и путем войны занять, взять, заполучить, а епископу в пространных речах и при полном праве объявить, что он намеревался под прикрытием доброго мира и христианской веры тайно чинить козни ордену, чтобы

рижская епархия оставалась вне зависимости от русских и сохранялась в христианской вере. И следует возвратить отторгнутые русскими воды, земли и людей, а кроме того защитить от них Ливонию, что осуществится посредством большой силы в том случае, если наш святой отец папа соизволит пожаловать, дать, предоставить ордену рижскую епархию, которую он из истинной необходимости заполучил при помощи меча, и утвердил бы в светской зависимости от ордена (*in der wertlicheit.* – М. Б.) земли, людей, города, замки и крепости и всё, что подлежит светскому управлению, к процветанию и благу, усилению и преумножению христианства. Если бы так случилось, то почтенный орден имел бы надежду прилежно содействовать Господу и его высокочтимой Матери еще тем, что можно было бы обратить псковичей и новгородцев в христианскую веру» (ОВА. № 28694).

Развитие темы прослеживается в письме ливонского магистра верховному магистру от 12 октября 1479 г. (после смерти архиепископа Штодевешера), в котором содержалась просьба ходатайствовать перед папой и коллегией кардиналов о присоединении рижской епархии к владениям Ливонского ордена и передаче архиепископии епископу Курляндии или епископу Ревеля, тесно с ним связанным; в противном случае новым рижским архиепископом следовало назначить родственника ливонского магистра ревельского епископа Симона фон дер Борха (ОВА. № 16835). Между тем после серии силовых акций в отношении покойного архиепископа угроза отлучения магистра Борха значительно возросла. В поисках адекватной формы воздействия на своих влиятельных оппонентов магистр в конечном итоге решил разыграть комбинацию с «русской угрозой», эскизно намеченную им в весеннем манифесте.

Осенью 1479 г. магистр Борх принял решение о начале военных действий против Пскова (ОВА. № 16924). Русские нападения на дерптскую епархию в начале 1478 г., а также отчуждение Псковом в 1463 г. приграничных территорий служили обоснованием правомочности магистра, обязанного в силу своего положения гарантировать Ливонию от внешних посягательств; успех же военных походов ордена против «этих неверных русских схизматиков» мог стать веским аргументом в пользу легитимности его властных претензий. Вскоре после начала боевых действий в письме верховному магистру от 25 января 1480 г. Борх писал, что хочет убедить папу в необоснованности отлучения Ливонского ордена и надеется на пожалование ему регалий на рижскую епархию и город Ригу, равно как и на утверждение Симона фон дер Борха в звании рижского архиепископа (ОВА. № 16867). Он высказывал опасение, что в противном случае война с Россией окажется проигранной и орден

будет изгнан из страны великим князем или же принужден принять православную веру, после чего московский государь будет обращаться с ним, как с Новгородом, Псковом, Москвой и татарами (Казанью?). В свете сказанного выше Борх просил верховного магистра добиться от папы особого отпущения для Ливонии, чтобы можно было обеспечить получение войск и денег для борьбы с «неверными» (русскими?), добавив в приписке к своему посланию, что передачу рижской епархии ордену русских можно будет много легче одолеть. В доказательство он приводит разрушение «одной крепости из числа тех, что были построены русскими во времена архиепископа Сильвестра», и повторное обращение местных жителей, насильственно обращенных русскими в православие, в католическую веру. Магистр полагал, что совместное противостояние «русской угрозе» может содействовать сближению ордена с новым рижским архиепископом Стефаном Грубе (1480–1483), поскольку «русские обременяют подданных обеих сторон, грабят, жгут, принуждают к перекрещиванию и угоняют, а ливонский магистр всеми силами за них заступается» (ОВА. № 16870).

К выводам К. Найтманна и других зарубежных коллег, усмотревших взаимосвязь между внутривнутриполитическими маневрами магистра Борха и началом русско-ливонской войны 1480–1481 гг. [6, S. 109–137; 8, с. 133–142], можно добавить, что развязанная Борхом война являлась плохо подготовленной авантюрой, рассчитанной на то, что ни Новгород, ни тем более Москва не вступят в нее, и конфликт, таким образом, не выйдет за рамки традиционных псковско-ливонских приграничных столкновений. Его надежды не оправдались, и Ливонии пришлось иметь дело с объединенными силами Московского государства, активизировавшего натиск на Ливонию в конце осени 1480 г. после успешного завершения «стояния на Угре», вследствие чего перед ливонским магистром возникла насущная необходимость поиска внешней поддержки. В конце января 1481 г. он просил верховного магистра сообщить, какую помощь ему может оказать Орденская Пруссия, и при этом принять во внимание, что для обороны в одиночку Ливония не имеет достаточных сил, но если она падет, под угрозой окажутся также и другие христианские земли (ОВА. № 16937, f. 1). Таким образом, здесь мы имеем дело с одной из первых попыток представить «русскую угрозу» как реалию не только ливонской, но и общеевропейской действительности – в параллель дискурса «турецкой угрозы», воспринятого католическим миром.

18 октября 1480 г. Борх сообщил верховному магистру об отправке в Европу комтура Голдингена (Кулдинги) Герхардта (Гердта) Малинкродта, который должен был посетить дворы ряда европейских госу-

дарей, начиная с верховного магистра и заканчивая императором Фридрихом I, и просить их оказать Ливонскому ордену финансовую и военную помощь (ОВА. № 16903). Миссия Малинкродта хорошо отражена в официальной документации и заслуживает отдельного исследования; здесь же можно отметить, что сквозь пелену сетований на «русскую угрозу» и просьб о помощи в документах хорошо просматривается вторая и, как думается, основная задача орденского эмиссара, связанная со стремлением обеспечить Ливонскому ордену владение рижской епархией. Подтверждением тому может служить, в частности, памятная записка Малинкродта, предназначенная для его переговоров с верховным магистром, состоявшихся 16 ноября 1480 г., и ответы последнего на вопросы представителя ливонского магистра (ОВА. № 16950, f. 2 v-r). Об основной цели миссии Малинкродта свидетельствует и ее результат. В апреле 1481 г., после того, как комтур побывал при императорском дворе, свидетельства чего обнаружены нами в архивах Вены и Инсбрука, император Фридрих III пожаловал ливонскому магистру в ленное владение Ригу и рижскую епархию на том основании, что глава Ливонского ордена является для указанных владений основным гарантом безопасности (реплика позаимствована из обращений ливонского посла). Сверх того император выразил намерение ходатайствовать перед папой о передаче ливонскому магистру права назначения рижского архиепископа и о пожаловании его ордену «отпущения» (права на получение прибыли от продажи индульгенций), какое недавно получили иоанниты на Родосе, с тем чтобы Ливонский орден получил возможность лучше обороняться против русских (ОВА. № 16959; № 16980, f. 2; № 16960). Таким образом, эксплуатация «русской угрозы» помимо обретения прав на Ригу могла обернуться для Ливонского ордена еще и солидными денежными дотациями.

Вскоре после окончания русско-ливонской войны 1480–1481 гг. отношения Ливонского ордена с Московией нормализовались настолько, что польский король Казимир IV стал опасаться заключения ими военного союза против Польско-Литовского государства (OF 18 b, f. 104 v – 105 r). Вместе с тем магистр Борх продолжал использовать идею «русской угрозы» в своих целях – для переноса сроков «визитации» (инспекции) ливонских конвентов представителями верховного магистра (ОВА. № 16978 и № 16977) или для обоснования своих отказов от личного участия в заседаниях генерального капитула Немецкого ордена (ОВА. № 17482). Тем же путем следовал и рижский архиепископ Стефан Грубе, который к удивлению главы Немецкого ордена после окончания военных действий и подписания мира с Новгородом и Псковом (1481) принялся вербовать наемников «против рус-

ских и наносящих ущерб (*beschädiger*) его церкви» (OF 18 b, f. 104 v – 105 r; ОВА № 17089). Верховный магистр также не упустил случая использовать столь эффективный маневр: он предложил правителю Швеции Стену Стуре отдать шведскую корону брату польского короля Сигизмунду взамен возврата ордену Западной Пруссии под предлогом, что так Швеция сможет активнее поддерживать борьбу Ливонского ордена с русскими [9, № 2224, S. 84].

В целом следует отметить, что интенсивность обращения ливонских магистров к идее «русской угрозы» в конце XV в. зависела не от реального состояния русско-ливонских межгосударственных отношений, а от кризисной ситуации в самой Ливонии, возникшей в результате борьбы ливонских магистров за подчинение местного епископата. Орден обладал реальной военной силой и мог использовать имидж борца с внешней угрозой для легитимизации своей политики. О пропагандистско-идеологическом характере орденского дискурса «русской угрозы» косвенно свидетельствуют два обстоятельства: 1) он почти не прослеживается в орденских документах внутреннего пользования и 2) его использование не мешало Ливонскому ордену и Ливонии развивать с Россией торговые и дипломатические отношения в рамках мирных договоров 1487 и 1493 годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Koepen H.* Das Archiv des Deutschen Ordens in Preußen, seine Bestände und seine wissenschaftliche

Bedeutung / *H. Koepen* // *Jahrbuch Preußischer Kulturbesitz* (1966). – 1967. – Н. 4. – S. 172–187.

2. *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV – начале XVI в. по ливонским источникам / *М. Б. Бессуднова.* – Великий Новгород, 2009. – 243 с.

3. *Heleweg H.* Das rothe Buch inter archiepiskopalia / *H. Heleweg* // *Scriptores rerum Livonicarum.* – Bd. 2. – S. 742–804.

4. *Cosack H.* Zur Geschichte der auswärtigen Verwirklichungen des Ordens in Livland 1478–1483 / *H. Cosack* // *Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte.* – Riga, 1914. – S. 203–240.

5. *Kröger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga / *G. Kröger* // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte.* – 1930. – Bd. 24. – S. 147–280.

6. *Neitmann K.* Um die Einheit Livlands. Der Griff des Ordensmeisters Berndt von dem Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 / *K. Neitmann* // *Deutsche im Nordosten Europas.* – Köln, 1991. – S. 109–137.

7. *Jähnig B.* Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer / *B. Jähnig* // *Ritterorden und Kirche im Mittelalter.* – Toruń, 1997. S. 97–111.

8. *Баранов А.* Магистр Ливонского ордена Берндт фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутривосточных отношений (1471–1474) / *А. Баранов* // *Археология и история Пскова и Псковской земли.* – Вып. 58. – М., 2013. – С. 133–142.

9. *Index corporis historico-diplomaticus Livoniae, Estoniae Curoniae* / Hrsg. *K. Napierski.* – Bd. 2. – Riga, 1835.

Липецкий государственный педагогический университет

*Бессуднова М. Б., кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
E-mail: magistrmb@gmail.com
Тел.: 8 (4742) 45-72-97*

Lipetsk State Pedagogical University

*Bessudnova M. B., Candidate of Historical Sciences
Senior Research Assistant
E-mail: magistrmb@gmail.com
Tel.: 8 (4742) 45-72-97*